

— 355651

342

ЗА РОДИНУ

**СБОРНИК СТИХОВ,
песен и пьес
для художественной
самодеятельности**

Газетно-книжное
издательство Обкома ВКП(б)
Саратов
1943

3-12

О. Х. Л.

ЗА РОДИНУ

СБОРНИК
РАССКАЗОВ, СТИХОВ, ПЬЕС, ПЕСЕН и ЧАСТУШЕК
ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГАЗЕТНО - КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБКОМА ВКП(б)
САРАТОВ

1943

Д 351

*Сборник подготовлен
Саратовским Обкомом ВЛКСМ
и Саратовским Домом Народного Творчества.*

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
для
Саратовского университета

355651

Виктор ТИМОХИН

СТАЛИНГРАД

Они рвались, свирепствуя, к нему,
К его стенам зловецим ураганом,
Но он стоял в пороховом дыму
Над Волгою утесом-великаном.
Здесь им хотелось обрести покой
И водрузить свое паучье знамя
Над русской красавицей рекой
Кровавыми, бандитскими руками.
Но город встал стеною баррикад,
И в пламени — живой и величавый,
Перед врагом не дрогнул Сталинград
И эту битву завершил со славой.
Он выстоял...

На волжском берегу
Грохочет, не смолкая, канонада,
То бьют артиллеристы по врагу
Карающей рукою Сталинграда.
Сжимается железное кольцо.
Священной мезтью дышет гордый город,
И вот лежит в снегу перед бойцом
Последний волк из окруженной своры.

Желанный час возмездия настал.
За то, что день казался темной ночью,
За каждый дом, за выжженный квартал —
Чернеют всюду горы трупов волчьих.
Туда, на запад устремляя взгляд,
Идет вперед дорогой боевою,
Непобедимый город Сталинград
Сверкает путеводною звездой.

г. Саратов

Леонид СОБОЛЕВ

ГОЛУБОЙ ШАРФ

Кто был этот летчик и где я его встретил—в Одессе, в Ленинграде или в Севастополе, зачем вам знать про то. Не об отваге его, а о том, как она родилась, пойдет речь, а тайны человеческого сердца надо уважать.

Истребители пошли на посадку. Над кабиной одного из них длинным вымпелом развевался голубой шарф. И мне вспомнились читанные в юности рыцарские романы: латы и шелк на них. Так мчался в бой закованный в броню витязь, и тонкий легкий шарф, повязанный на руке, вскинувшей меч, нес навстречу смерти или победе заветные цвета дамы сердца. Я усмехнулся этому романтическому видению. Шарф был как шарф, все летчики прикрывают шею скользящим шелком, чтобы не натереть ее до крови о воротник кителя или реглана. Очевидно, этому летчику пришлось порядком повертеть в бою головой.

Так оно и оказалось. Возвращаясь со штурмовки, звено было атаковано «Мессершмиттами». Они были со всех сторон—и шарф на шее майора, командира эскадрильи, разматался. Майору удалось одного подбить, но в результате он уверен не был—пришлось кинуться на выручку к Азарянцу. Гоняясь за вторым, майор обнаружил новый вражеский аэродром и теперь предложил командиру полка тотчас же в рассветной мгле разгромить на нем немцев.

Самолеты поставили в надежные укрытия (фронт был совсем рядом), и мы пошли к блиндажу. Смеясь, я сказал

майору о витязе и прекрасной даме. Он поднял на меня глаза, еще воспаленные ветром высот и боем, и улыбнулся. Теперь, без шлема, лицо его, окруженное голубой пеной шарфа, показалось мне старше. Майору было, вероятно, за сорок.

За ужином говорили о последнем бое, и летчики подтвердили, что «мессер», подбитый майором, честно закопался в землю. Потом вспомнили размотавшийся шарф, и посыпались шутки.

— Он тебя когда-нибудь из кабины вытянет, как парашют,—сказал полковник.— И куда тебе целый отрез!

— Удобно,—ответил майор.— В нем голова, как в подшиннике, вращается.

— А Миронов у тебя с каким-то чулком летает. Разорвешь свой шарф пополам!

— Клятву не порвешь, товарищ полковник,—сказал майор полушутя-полусерьезно.— Я уж как-нибудь булавками подкалываю буду.

— Это ж амулет, товарищ полковник,—рассмеялся Миронов. Майор с ним и спит, и воюет, и в баню ходит, надо ж понимать: старый летчик...

Вылет был назначен на пять утра, и летчики стали укладываться спать. Я лег рядом с майором. Устраиваясь, он и в самом деле бережно свернул шарф и подложил его под щеку.

На столе горела лампа, и порой пламя ее высоко вскидывалось из стекла, а за фанерной обшивкой землянки шурша осыпался песок — по аэродрому били из тяжелых орудий. Летчики, привыкнув к этой колыбельной, мирно спали, и кто-то могуче храпел, заглушая порой разрывы снарядов.

Шарф щекотал мне лицо. Казалось, от него исходил нежный, чуть уловимый аромат,—и воображение мое заработало. От шарфа тянуло юностью, тонкими девичьими плечами, и казалось несомненным, что амулет этот дан летчику девушкой, полюбившей мужество и отвагу, врезанные в спокойных чертах его лица, как в мраморе. Я увидел последнюю встречу, ее дрожащие губы и полный слез взгляд, услышал слова надежды и клятв—и всем сердцем понял, что мужчина и воин может на повороте своих лет в обаянии зыбкой девической любви бережно хранить такой талисман и верить в его волшебную силу.

Я приподнялся на локте. Майор дремал. Спокойное, усталое его лицо никак не лезло в придуманный мной сюжет. Это было нехитрое лицо воина, честного труженика авиации, вернувшегося из запаса в строй, и вряд ли оно могло внушить самой романтической девушке такое чувство. Вернее

было другое. Я вспомнил, как за ужином он мельком сказал, что при переводе в этот полк ему удалось захватить домой, где он никого не застал: город был под угрозой, и все уехали.

Я представил себе, как он вошел в брошенную квартиру, где все знакомо, все напоминает о близких сердцу людях и где все — стыло и пусто, все кинута в горьком беспорядке торопливых сборов, и где призраком стоят лишь воспоминания—о мирной жизни, о надеждах, о родной ласке и тепле, которых не найдешь, или найдешь нескоро... Я увидел, как стоит он посредине комнаты, оглядывая ее, как сжимаются его губы, как, быть может, слезы ярости и тоски набегают на глаза и как молча он берет в руки первую попавшуюся вещь: голубой шарф, воздушно-легкий призрак былого.

Может быть, у меня родилось бы еще несколько вариантов, но майор пошевелился и открыл глаза.

— Вот ведь, чорт, храпит,—сказал он, увидев, что я не сплю.—Хуже стрельбы, ей богу... Силен..

Храпел Азарианц, утомленный боем. Порой, рывкнув с особой силой, он замолкал, как бы с удивлением прислушиваясь к самому себе. Но рвался рядом снаряд. Азарианц во сне отвечал ему рычанием потревоженного огромного зверя,—и вся музыка начиналась сначала.

Нет, не заснуть,—со вздохом сказал майор.—Покурим, что ли.

Мы закурили, и скоро потекла та негромкая беседа—голова к голове,—когда ни залпы, ни разрывы, ни храп соседа не мешают разобрать взволнованных слов.

В боях и в вечной к ним готовности военным людям некогда разговаривать друг с другом о своих чувствах. И чувства их, как жемчуг, оседают на душе сгустком плотным и драгоценным. Но сердце живет и тоскует и жаждет открыть невысказанные никому свои тайны. И вот в такой беседе с гостем, случайным человеком, готовым слушать всю ночь, в такой ли землянке под грохот снарядов, в окопе ли в ночь перед наступлением, в каюте ли идущего в бой корабля, — военные сердца раскрываются доверчиво и желанно. И такое увидишь порой в прекрасной и простой их глубине, что и сам воин и подвиги его освещаются новым светом. И завеса над тайной рождения отваги приподымается, и в меру познания своего ты понимаешь, что такое ненависть к врагу.

Мои романтические догадки оказались беднее, чем правда жизни и войны. Все было проще, страшнее и значительнее.

В начале войны майор дрался на Балтике. Придя из запаса, он был сразу назначен на охрану небольшого эстон-

ского города. Город этот жил еще старыми представлениями о немцах, и никто в нем не верил всерьез, они бомбят мирные города. Поэтому на чудесном это пляже с утра до вечера копшились голые тела, и сверху казалось, что море выплеснуло на песок розовато-желтую пену. Майор, барражируя над городом, охранял его отдых и его детей, ища в небе врага. Небо было синим и глубоким, море — теплым и ласковым, песок — горячим и золотым.

Это случилось в воскресенье 29 июня. Он увидел Юнкерс слева над морем и ринулся к нему. Майору не повезло: фашистский стрелок пробил ему бак, и пришлось идти вниз. Юнкерс ускользнул, и майор увидел, как в городе встали черные грибы разрывов. Маленькие аккуратные домики задымилась.

Юнкерс повернул к морю, спикировал на пляж, и розовато-желтая пена человеческих тел хлынула в море. Из всех своих пулеметов бил он по голым детям, женщинам, подросткам. Они спасались в море, как будто вода могла прикрыть их от пуль. Они ныряли в нее, стараясь стать невидимыми. Но Юнкерс сделал второй заход — человеческая волна выплеснулась из моря и хлынула под защиту цветистых зонтов, палаток, навесов, оседая на песке крупными недвижимыми каплями.

Не помня себя от бешенства, майор бесполезно стрелял по черной удаляющейся точке. Мотор его, наконец, стал. Он опомнился.

Сесть теперь можно было только на пляж. Майор повел туда подбитую машину, но весь пляж был в трупах детей и женщин. Недвижные, страшные, в предельной беззащитности обнаженного человеческого тела они лежали на песке. Наконец, он нашел на краю пляжа место, свободное от них.

Он выскочил из кабины, шатаясь. Кровавый туман плыл в его глазах. Ничего не видя, ничего не помня, он шел, как потерянный, не зная куда, пока не споткнулся. Взглянув под ноги, он отпрянул.

Перед ним лежала обнаженная девушка, склонив на плечо голову. Солнце золотило ее нежную кожу и легкой тенью отмечало неразвившуюся грудь. Ниже груди кровавый тонкий поясок спускался к левому бедру — след быстрых, острых пуль, пронизавших наискось живот. В откинутой руке был зажат легкий голубой шарф — единственная ее броня и защита, которой она пыталась прикрыться от пуль на бегу.

Он поднял этот шарф, осторожно разжав еще теплые тонкие пальцы. И так, держа этот шарф и смотря на пляж,

усеянный детскими, девичьими и женскими телами, он дал себе молчаливую клятву.

Он не сказал мне ее. Но каждый, в ком бьется человеческое сердце, найдет ей слова, запоминающиеся на всю жизнь.

— Я сплю с ним, чтоб и во сне не забыть о ненависти—сказал майор, приподнимаясь.

Он развернул шарф. Пышная его бахрома была как бы обгрызана. Я вгляделся. Это были узлы: кисти бахромы были сплетены в змейки или связаны морскими кнопками—аккуратными плотными шариками. Кнопов было шесть, змеек—восемь. Продолжая говорить, майор начал плести новую змейку.

— Сегодняшний «мессер»,—сказал он без улыбки,—а кнопки—это бомбардировщики. Только вы нашим не рассказывайте, насмех поднимут, вот, скажут, нашел майор игрушки.

Он помолчал, деловито сплетая шелковые нити, потом поднял голову. Лицо его меня поразило.

— Какие тут игрушки,—сказал он глухо.—Пока я все эти кисточки не заплету, все у меня перед глазами тот пляж будет... Не прошляпай я тогда с тем Юнкерсом... Ну, ладно, что в Москве нового...

В пять ноль-ноль полк в полном составе вылетел на штурмовку найденного майором аэродрома. Самолеты один за другим поднялись в темноту, и было удивительно, как сумели они там выстроиться—за ведущим ястребком, где был майор.

Часа через полтора самолеты так же один за другим садились на поле. Легчики, разгоряченные стремительным налетом, собирались в кучки, обмениваясь рассказами. Все сошло как нельзя лучше: майор с изумительной точностью вывел весь полк бреющим полетом из-за леска прямо на аэродром. Немцы не успели дать и залпа. В рассветной мгле все запылало, стало рваться, рушиться, гибнуть. Подняться не сумел ни один самолет. Вторым и третьим заходами только добивали уцелевшие машины. Всего насчитали девять бомбардировщиков и восемь истребителей.

Майора еще не было. Наконец, показался и его самолет. Он шел опять с длинным вымпелом над кабиной и, видимо, без горючего. Майор кое-как дотянул до поля и сел. Мы подбежали к нему. Голубой шарф свисал за борт кабины, и на нем алели пятна крови.

— Товарищ полковник,—сказал майор, не шевелясь. Кажется, меня надо вынимать. Пустяки, в плечо... и в ногу что-то.

Пока бежали с носилками, он доложил полковнику, что после первого захода увидел на западе пять «мессеров» и пошел к ним навстречу (поскольку над аэродромом «все шло нормально») и все время отгонял их атаками, чтобы не дать помешать разгрому.

Тут его положили на носилки, и я заметил его встревоженный взгляд. Я поднял с земли шарф и положил к нему на носилки. Мы поцеловались.

— Теперь на всю поправку работы хватит, майор, — сказал я ему негромко: — еще девять кнопов и восемь змеек.

Он улыбнулся мне, как ребенку, не знающему правил игры.

— Нет, то не мой... Это ребята били. Я одну змейку сплету: одного-то из тех пяти я все ж таки стукнул.

Носилки качнулись — и он вышел на время из боев, витязь-мститель, покрытый голубым шарфом, залитым его кровью, чистой и горячей, как и его ненависть.

К. СИМОНОВ

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводит грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.

Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня.
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди, и с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям на зло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет — повезло.
Не понять не ждавшим им.
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

★

Константин ПАУСТОВСКИЙ

КРУЖЕВНИЦА НАСТЯ

Ночью в горах Ала-Тау глухо гремела гроза. Испуганный громом, большой зеленый кузнечик прыгнул в окно госпиталя и сел на кружевную занавеску. Раненый лейтенант Руднев поднялся на койке и долго смотрел на кузнечика и на занавеску. На ней вспыхивал от синих пронзительных молний сложный узор — пышные розы и маленькие хохлатые петухи.

Наступило утро. Грозовое желтое небо все еще дымилось за окном. Две радуги-подруги спрокинулись над вершинами. Мокрые цветы диких пионов горели на подоконнике, как раскаленные угли на жаровне. Было душно. Пар подымался над сырыми складами. В пропасти рычал, перекатывая камни, ручей.

— Вот она, Азия, — вздохнул Руднев. — А кружево-то на занавеске наше, северное. И плела его какая-нибудь красавица Настя.

— Почему вы так думаете?

Руднев улыбнулся.

— Мне вспомнилось, — сказал он, — случившееся на моей батарее под Ленинградом.

Он рассказал мне эту историю.

Летом 1940 года ленинградский художник Балашов уехал охотиться и работать на пустынный наш Север.

В первой же понравившейся ему деревушке Балашов сошел со старого речного парохода и поселился в доме сельского учителя.

В этой деревушке жила со своим отцом — лесным сторожем девушка Настя, знаменитая в тех местах кружевница и красавица. Настя была молчаливая и сероглазая, как все девушки-северянки.

Однажды на охоте отец неосторожным выстрелом ранил Балашова в грудь. Раненого принесли в дом сельского учителя. Удрученный несчастьем старик послал Настю ухаживать за раненым.

Настя выходила Балашова, и из жалости к раненому родилась любовь, первая ее девичья любовь. Но проявления этой любви были так застенчивы, что Балашов ничего не заметил.

У Балашова в Ленинграде была жена, но он ни разу никому не рассказывал о ней, даже Насте. Все в деревне были убеждены, что Балашов человек одинокий.

Как только рана зажила, Балашов уехал в Ленинград. Перед отъездом он пришел без зова в избу к Насте, поблагодарить ее за заботу и принес ей подарки. Настя приняла их.

Балашов впервые попал на Север. Он не знал местных обычаев. Он не знал, что мужчина, который пришел без зова в избу к девушке и принес ей подарок, считается, если подарок принят, ее женихом. Так на Севере говорят о любви.

Настя робко спросила Балашова, когда же он вернется из Ленинграда к ней в деревню? Балашов, ничего не подозревая, шутиливо ответил, что вернется очень скоро.

Балашов уехал. Настя ждала его. Прошло светлое лето, прошла сырая и горькая осень, но Балашов не возвращался. Нетерпеливое, радостное ожидание сменилось у Насти тревогой, отчаянием, стыдом. Вся деревня уже шепталась, что жених ее обманул. Но Настя не верила этому. Она была убеждена, что с Балашовым случилось несчастье.

Весна принесла новые муки. Пришла она поздно, тянулась очень долго. Реки широко разлились и все никак не хотели входить в берега. Только в начале июня прошел мимо деревушки, не останавливаясь, первый пароход.

Настя решила тайком от отца бежать в Ленинград и разы-

скасть там Балашова. Она ушла ночью из деревушки. Через два дня она дошла до железной дороги и узнала на станции, что утром этого дня началась война. Через огромную, грозную страну никогда не видавшая поезда крестьянская девушка добралась до Ленинграда и разыскала квартиру Балашова.

Насте отворила дверь жена Балашова—худая, рыжая женщина в пижаме, с папироской в зубах. Она с холодным недоумением осмотрела Настю и сказала, что Балашова нет дома. Он на фронте под Ленинградом. Рыжая женщина встретила Настю подозрительно и насмешливо. Уж не эта ли красивая деревенская простушка была причиной ее разлада с мужем?

Настя узнала правду—Балашов был женат. Значит, он обманул ее, насмеялся над ее любовью. Насте было страшно говорить с крикливой и накрашенной женщиной. Ей было страшно в городской квартире среди шелковых пыльных диванов, рассыпанной пудры, настойчивых телефонных звонков.

Настя шла в отчаянии по величественному городу, превращенному в вооруженный лагерь. Она не замечала ни зенитных пушек на площадях, ни памятников, заваленных мешками с землей, ни вековых прохладных садов, ни торжественных зданий.

Она вышла к Неве. Река несла ей черную и чистую воду в уровень с гранитными берегами. Вот здесь, в этой воде, должно быть единственное избавление и от невыносимой обиды и от любви. Настя сняла с головы старенький платок—подарок матери, и повесила его на перила. Потом она поправила тяжелые косы и поставила ногу на завиток перил. Ее кто-то схватил за руку. Настя обернулась. Худой человек, с полотерными щетками подмышкой, стоял сзади. Его рабочий костюм был забрызган желтой краской.

Полотер только покачал головой и сказал:

— В такое время что задумала.

Человек этот—полотер Трофимов—увел—Настю к себе и сдал на руки своей жене—лифтерше, женщине шумной, решительной, презиравшей мужчин.

Трофимовы приютили Настю. Она заболела, лежала у них в каморке. От лифтерши Настя впервые услышала, что Балашов ни в чем не виноват, что никто не обязан знать их северные обычаи и что только такие «тетехи», как она, Настя, могут без памяти полюбить первого встречного.

Полотера вскоре взяли в армию, и лифтерша с Настей остались одни.

Когда Настя выздоровела, лифтерша устроила ее на курсы медицинских сестер. Врачи—учителя Насти—были пораже-

ны ее способностями делать перевязки, ловкостью ее тонких и сильных пальцев.—Да ведь я кружевница, — отвечала она им, как бы оправдываясь.

Прошла осадная ленинградская зима с ее железными ночами, канонадой. Настя окончила курсы, ждала отправления на фронт и по ночам думала о Балашове, о старом отце. Он до конца жизни, должно быть, так и не поймет, зачем она ушла тайком из дому. Бранить ее не будет, все простит, но понять не поймет.

Весной Настю, наконец, отправили на фронт под Ленинград. Всюду — в разбитых дворцовых парках, среди развалин, пожарищ, в блиндажах, на батареях, в перелесках и на полях она искала Балашова, спрашивала о нем.

На фронте Настя встретила полотера, и болтливый человек рассказал бойцам из своей части о девушке-северянке, ищущей на фронте любимого человека. Слух об этой девушке начал быстро расти, шириться, как легенда. Он переходил из части в часть, с одной батареей на другую. Его разносили мотоциклисты, водители машин, санитары, связисты. Он дошел, наконец, до самых отдаленных уголков фронта.

Бойцы завидовали неизвестному человеку, которого ищет девушка, и вспоминали своих любимых. У каждого были они в мирной жизни, и каждый берег в душе память о них, как берегут материнские письма. Рассказывая друг другу о девушке-северянке, бойцы меняли подробности этой истории в зависимости от силы воображения.

Каждый клялся, что Настя—девушка из его родных мест. Украинцы считали ее своей, сибиряки тоже своей, рязанцы уверяли, что Настя, конечно, рязанская, и даже казахи из далеких азиатских степей говорили, что та девушка пришла на фронт, должно быть, из Казахстана.

Слух о Насте дошел и до береговой батареи, где служил Балашов. Он так же, как и бойцы, был взволнован историей неизвестной девушки. Он часто думал об этой девушке. Начал завидовать тому человеку, которого она любит. Откуда он мог знать, что завидует самому себе?

Личная жизнь не удалась Балашову. Из женитьбы ничего путного не вышло. А вот другим везет! Всю жизнь он мечтал о большой любви, но теперь уже было поздно думать об этом. На висках седина...

Случилось так, что Настя нашла, наконец, батарею, где служил Балашов, но не нашла Балашова—он был убит за два дня до того и похоронен в сосновом лесу на берегу залива.

Руднев замолчал.

— Что же было потом?

— Потом? —переспросил Руднев.—А потом было то, что бойцы дрались, как одержимые. И мы смяли перед собой линию немецкой обороны. Мы подняли ее на воздух и обрушили на землю в воде, пыли и грязи; я редко видел людей в таком священном, неистовом гневе. Они мстили немцам за все—за их низость, за свои страдания, и, должно быть, за печальный конец той любви.

— А Настя?

— Что Настя! Она отдает всю свою заботу раненым. Лучшая сестра на нашем участке фронта.

К. СИМОНОВ

УБЕЙ ЕГО!

Если дорог тебе дом твой,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты в дюльке, качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печки, углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем искоженные полы;
Если мил тебе бедный сад,
С майским цветом, с жужжаньем пчел,
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме немец топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...
Если мать тебе дорега,
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтобы немец, ее застав,
По щекам морщинистым бил,

Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Немцу мыли его белье
И стелили ему постель...
Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был,
И пропал в Карпатских горах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны своей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Немец взял и на пол сорвал,
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...
Если жаль тебе, чтоб старик,
Старый школьный учитель твой,
Перед школой в петле поник
Гордой старческой головой;
Чтоб за все, что он воспитал
И в друзьях твоих и в тебе,
Немец руки ему сломал
И повесил бы на столбе...
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел—так ее любил;
Чтоб немцы ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем
Обнаженную на полу.
Чтоб досталось трем этим псам
В стогах, ненависти, крови,
Все, что свято берег ты сам,
Всей силой мужской любви...
Если ты не хочешь отдать
Немцу с черным его ружьем
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем,
Знай—никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай—никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви —
Край, где рос ты и дом, где жил,
Своей Родиной не зови.
Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед,
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.
За чужой сининой не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Если немца убил твой брат —
Это он, а не ты солдат.
Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал.
Не в твоём доме, чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его — пусть будет вдовой.
Пусть не плачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Осколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

СЫН ПАРТИЗАНА

(Б ы л ь)

Облитая керосином изба пылала большим, дымным костром. Трещали балки, со звоном лопались стекла. Искры взлетали в небо, и сильный ветер разносил их по всему саду. Кое-где занялись соломенные крыши сараев. Столбы черного дыма вздымались в разных концах деревни.

Вокруг горящей избы Ивана Малыгина стояли женщины. Сжатые тесным кольцом вооруженных немецких солдат, они смотрели на пожар давно заплаканными, выцветшими от слез глазами. Пламя отражалось в их зрачках. Поднимая глаза друг на друга, они словно вглядывались в зеркало: та же бесконечная тоска, страдание, те же отблески горящей избы партизана Ивана Малыгина.

Немецкие солдаты, — те самые, что облили керосином и подожгли избу, — не давали женщинам ни приблизиться к пожарищу, ни отойти от него.

— Пусть все видят, как мы поступаем с партизанами, — сказал немецкий лейтенант, приказав согнать на пожар всю деревню. Он стоял сейчас впереди, краснощекий, упитанный, и насвистывал модный мюнхенский марш. Он сделал несколько фотоснимков пожара и сейчас светлосиними, круглыми, как у фарфоровой куклы, глазами бесцеремонно и хищно рассматривал женщин. На фронт он прибыл недавно. Поджог избы партизана Малыгина был его первым боевым подвигом. Старший брат Эрих, обер-лейтенант, присылал ему в Мюнхен, в офицерскую школу снимки своих операций в России. У него была неплохая коллекция: двенадцать пожаров, пять виселиц, две порки. Теперь брат лежал в госпитале в Дрездене. Сегодняшние снимки удачно дополняют коллекцию любительских фотографий фамилии фон-Рейхен.

Пожар разгорался. С треском упал карниз избы. Искры метнулись к людям, садясь на одежду, обжигая лица и руки. На земле безмолвно билась в тяжелом припадке не старая еще женщина. Длинные волосы ее распустились и мели дорожную пыль. Два солдата стояли рядом и не подпускали к ней никого. По приказу лейтенанта солдаты вытащили на улицу Елену Малыгину, оставив в горящей избе годовалую Полинку. «Подобного снимка у Эриха не было», — усмехнулся лейтенант, фотографируя обезумевшую мать на фоне горящей избы, где осталась ее девочка.

— Хальт! — резко крикнул часовой. Все повернули головы. Через деревенскую площадь бежал мальчик. Не обращая внимания на окрики часового, он протиснулся сквозь толпу, увидел лежащую на земле женщину и побежал к самому пожарищу. Солдаты схватили его и подвели к лейтенанту.

Это был невысокий белоголовый паренек лет двенадцати, в розовой рубашке, вылинявшей от дождей и выгоревшей на солнце.

— Кто ты такой? — спросил лейтенант (сн немного говорил по-русски).

Мальчик посмотрел на него исподлобья, закусил губу.

— Полинка... сестра, — прошептал он. — Полинка горит.

— Твой сестра! Швестер? Там, — внезапно оживившись, сказал лейтенант, — ты брудер? Брат.

Еще несколько балок с шумом обрушилось на землю.

— Гут, — внезапно сказал немец, и странная улыбка показалась на его лице. — Гут! Хорошо! Я жалею маленькая девочка. Малышик, ты будешь спасать даине швестер. Иди.

Гриша Малыгин сначала не понял, что ему говорит лейтенант. Солдаты выпустили его. И тогда курносое, веснучатое лицо мальчика просветлело. Он рванулся вперед к горящей избе и исчез в дыму и пламени.

В толпе ахнули. Кто-то громко зарыдал. Анфиса Корнеева закрестилась быстрыми, торопливыми крестами, что-то беззвучно пришептывая. А Елена Малыгина все так же металась по земле, не понимая уже ничего, что совершалось вокруг. Потом все замолкли. Даже лейтенант перестал насвистывать свои марши, удивленно приподняв бровь, смотрел в рвущее пламя. Прошли минуты. Рухнули стропила горячей избы. Вдруг из огня выскочил мальчик. Одежда на нем горела. В руках он держал большой белый сверток.

— Мамка! — крикнул он. — Мамка! Наша Полинка...

Что-то изменилось в лице лейтенанта. Он приказал солдатам облить мальчика водой. Мокрого, полуживого от ожогов и волнения, Гришу подвели к лейтенанту. Тот с любопытством вглядывался в него.

— Ты есть молодец, — сказал лейтенант. — Ты есть совсем храбрый. Покажи! — приказал он.

И мальчик молча, доверчиво протянул ему сверток. Лейтенант развернул одеяло, и все увидели крошечную девочку, заливающуюся надрывным плачем.

Мать, Елена Малыгина, внезапно приподнялась с земли, широко раскрытыми безумными глазами посмотрела на свою дочь и бросилась к ней, вырывая из рук солдат.

— Очень красивая девочка, — мечтательно сказал лейтенант, — эйн юбшес медхен.

Девочка вдруг перестала плакать.

— Теперь будем делать один фокус. Лейтенант прищурил свои фарфоровые глаза. Он высоко поднял девочку, шагнул вперед к избе и швырнул ее прямо в огонь. Мать с криком рванулась за ним. Но он с силой ударил ее ногой и отшвырнул в сторону.

— Был девочка — и нет девочка. Хороший мюнхенский фокус. Эрих будет очень смеяться. Эрих любит...

Что именно любит Эрих, не удалось узнать никому. Лейтенант лежал на земле, уткнувшись головой в горящие головешки. В спине у него торчал самодельный нож, вонзенный Грищей. Солдаты на мгновение растерялись. Потом открыли стрельбу. Но женщины стали непроеходимой стеной между солдатами и мальчиком. Когда немцы пробили себе дорогу. Грища, ныряя среди высокой колосающейся ржи, уже подбегал к опушке большого леса.

М. ИСАКОВСКИЙ

РУССКАЯ БАНЯ

Партизанская баня.

Поселок был и глух и людим,
Когда пришли немецкие солдаты,
Нет никого. Лишь старый Николай
С Алешей — чушком вывел из-за хаты.

Солдаты окружили старика,
Набросятся, как черти из болота,
Штыки нацелили ему в бока
И тем кагалом требуют что-то.

А тот молчит, не зная, что к чему,
За то его карают беспричинно,
И очень торько сделалось ему,
И он подумал, что пришла кончина.

Но тут какой-то хитроумный баня, —
Видать большого опыта и знания, —
В момент излезек из-под мундира вошь
И с расстановкой выговорил: «Ба-ня».

«Вот оно что!.. Совсем иная статья!».
Глаза у старика повеселели:
— Да вам бы так сначала и сказать,
А заколоть меня всегда б успели...

— Ну что ж, идем!—позвал их Никодим.
И выбрался из круга осторожно, —
Чего-чего, а баню зададим,
Без русской бани—как же это можно?

И не подвел старик, не сплеховал:
Так истопил, что небу стало жарко,
Нагрел воды и веников достал:
Ступайте, мол, блаженствуйте — не жалко.

В пару, в жару над кадками с водой
Про все на свете позабыли боши...
— Теперь, приятель, дело за тобой, —
Шепнул старик и подмигнул Алеше.

А тот, видать, не раз бывал в делах, —
Он шонял деда с одного намека:
Пробрался в сад, а там шмыгнул в овраг,
А там — в кусты, а там — уж недалеко.

И не успел еще иной солдат
Себе как следует намылить холку,
А партизанский боевой отряд
Уже примчался из лесу к поселку.

Вскричали немцы в страхе: «Вас шет дас?»,
Внезапно очутившись под ударом,
А им в ответ: «обычай, мол, у нас —
Пришли гостей поздравить с легким паром!

И сразу в бане стало невтерпех:
Засуетились немцы, завопили,
Уйти хотели, да куда уйдешь?
Штаны — и те в предбаннике забыли.

И очень был доволен Никодим,
Ведя беседу под вечер с друзьями:
— Я же сказал им — баню зададим —
Ну, вот, и вышло по моей программе!

В. СУХОДОЛЬСКИЙ

ДУРАН

(Перевод с украинского).

Крестьянская хата. Горит свеча. Над развернутой картой склонился лейтенант Вейдеман. Это совсем юный германский офицерик, самоуверенный и наглый. Рядом полевой телефон.

Вейдеман. (Делает на карте отметки карандашом, потом со злостью швыряет карандаш). Чорт! Ничего нельзя понять по этой карте. (Делает несколько шагов по хате). Но приказ есть приказ. (Вынимает из полевой сумки приказ и вполголоса читает). «Из села Вербовки пройти через болото на село Хвощи для неожиданного удара во фланг неприятеля. Об исполнении донести»... Да, приказ есть приказ, чорт возьми! Но где дорога через болото? (В телефон). Сержант Шток?.. Да, это я, Вейдеман... Что? Не нашли курицы на ужин? Чорт с ней, с этой курицей! Нам нужна сейчас не курица, а кто-нибудь из местных людей. Немедленно пусть разыщут «языка»... В селе нет ни души?.. Я жду! (Кладет трубку). Варварская страна, варварский народ! Победители принуждены голодать. Какая историческая нелепость. А ведь нам может предстоять еще и обратный путь. Что же тогда? (Рассматривает карту). Вот эти проклятые Хвощи. Но где же дорога через болото?.. Неразрешимая задача!

Протяжный звонок телефона.

(Хватает трубку). Слушает лейтенант Вейдеман. Да, я получил приказ, господин майор... Так точно, господин майор, мы сейчас выступаем... Дорога на Хвощи? Она передо мною, как на ладони, господин майор. У меня прекрасный

проводник. Положитесь на меня... Слушаю. (Вешает трубку). Фу, вот положение! А этот негодяй Шток и не думает помочь своему командиру. Низкая зависть... (С ожесточением снимает трубку телефона). Дежурный, позовите сержанта Штока... Шток? Я только что говорил с майором. Я сказал ему, что у нас уже есть проводник. Понимаешь? В случае успеха операции я получу повышение, а ты займешь мое место. Найди во что бы то ни стало проводника... Что? Ефрейтор нашел местного жителя? Он его повел ко мне? Прекрасно. Жду... Он круглый дурак? Ефрейтор?.. Житель?.. Почти идиот? Прекрасно. Я очень рад: с идиотами легко сговориться. Будь готов к выступлению. Дурак, которого приведет ефрейтор, поможет нам выполнить приказ.

Стук в дверь.

(Кладет трубку и направляется к двери). Кто здесь? (Распахивает дверь). А, это вы, ефрейтор Фриче? Вы привели «языка»? Да, пусть войдет. Останьтесь за дверью и не уходите. (Отступает на несколько шагов).

(В комнату вваливается неуклюжий парень; голова у него взлохмачена, лицо заспанное. Парень туго смотрит на лейтенанта и негромко и протяжно зевает).

Вейдеман. Молчать!

Парень. (Испуганно закрывает рот, причем лязгает зубами, точно железной скобой, потом смущенно улыбается). Извиняюсь. Испугался...

Вейдеман (покровительственно). Не бойся. Мы есть друзья. Понимаешь?

Парень. Гы! Понимаю. Люблю, когда по-хорошему...

Вейдеман. Мне нравится простодушный русский народ. Он есть несчастный народ. Мы освобождаем его от большевиков..

Парень. (Немедленно садится). Тогда все в порядке.

Вейдеман. (Сдерживаясь). Имя?

Парень. (Оглядываясь по сторонам). Мое?

Вейдеман. Твое.

Парень. Если мое, то Федько. С малых лет Федько. Ничего с этим не поделаешь.

Вейдеман. (Перебивая парня). Фамилия, болван?

Парень. Фамилия? Моя?

Вейдеман. Твоя, конечно.

Парень. Если моя, так Барабулька. Фамилия, сказать правду, не первый сорт. (Доброжелательно). А ваша как фамилия?

Вейдеман. (Не выдерживает тона). Идиот!

Парень. (Сокрушительно качает головой). Тоже, значит, не первый сорт фамилияка... фон-Идиот. Знаю я один случай с одной фамилией... Позапрошлым летом один дядька по фамилии Раздерисобака...

Вейдеман. (Начиная терять терпение). Молчать!

Парень. (Обиженно). Ну, ежели молчать, так и разговор никакого не может быть.

Вейдеман. (Подозрительно оглядывает его со всех сторон и хлопает себя по карману). Выверни карманы.

Парень. (Оторопело). Вывернуть карманы?..

Вейдеман. Да. Немедленно выверни карманы.

Парень. Гы... Боюсь.

Вейдеман. (Грозно). Ну?..

Парень. (Делает шаг к Вейдеману и хватает его за карман брюк). Гы...

Вейдеман. (Отскакивает в сторону). Ты что?! С ума сошел?

Парень. Гы.. Карманы хочу вывернуть.

Вейдеман. Дурак! Свои карманы выворачивай.

Парень. Так бы и сказали. А то—выворачивай карманы. А чьи карманы? Я не святой дух, чтобы про все карманы знать. Свои—это дело привычное, а чужие не приходилось выворачивать. У нас за такие штуки бьют. (Выворачивает карманы брюк). Интересноется?

Из кармана падают сопелька, кусок сахара, огурец, веревочка, пуговица и прочая хозяйственная мелочь. (Заблжно поднимает свое добро, сдувает с него пыль и кладет вещи на стол). Пожалуйста, если нравится. Мне не жалко.

Вейдеман. (Указывает на сопельку). Что это?

Парень. Смистулька, музыка такая. (Прикладывает сопельку к губам и издает несколько звуков).

Вейдеман. Отставить. Довольно.

Парень. Довольно, так довольно. Меня всегда девчата просят поиграть. Люблю девчатам удовольствие делать. Сладенькое любите? (Тщательно дует на отрезок сахара и преподносит его лейтенанту). Кушайте, пожалуйста.

Вейдеман. Забери эту дрянь.

Парень. Какая же это дрянь? Дай бог всякому такой дряни побольше. (Прячет в карманы свое имущество) Я так думаю, что штаны людям для карманов сделаны, а карманы для всякого добра, что кому положено...

Вейдеман. Довольно болтать. Где все люди? Почему никого нет в селе?

Парень. (Присвистнул). Фью-ю!

Вейдеман. Отвечай.

Парень. Говорите—довольно болтать, а теперь—отвечай. Я так с толку могу сбиться.

Вейдеман. Я спрашиваю тебя, куда девались все люди из села?

Парень. А я и говорю, как положено: уехали в энском направлении. А председатель колхоза, товарищ Беркун... Не знаете? Товарищ Беркун мне и говорит: «Собирайся, Федько, в дальний путь-дорогу. Сейчас будем отчаливать». А я ж не дурак, я и подумал: «Ну, и отчаливайте, если вам приспичило, а я спать лягу. По крайности, никто меня теперь спозаранку будить не станет». Забрался в коровник и заснул.

Вейдеман. Хорошо сделал.

Парень. Ого! Я не дурак.

Вейдеман. Да, ты не дурак. Ты правильно рассудил.

Парень. Спасибо. И вы, я вижу, не дурак.

Вейдеман. (Предостерегающе). Но! Ты понимаешь, с кем говоришь?

Парень. (Стараясь припомнить). А чего тут понимать? Как это? Фашистские собаки и гитлеровские бандиты.

Вейдеман. Что? (В бешенстве). Мерзавец! (Замахивается на парня).

Парень. (Отступая). Ну, чего же вы сердитесь? Разве это я говорю? Это же председатель колхоза так понимает. «Придут,—говорит,— фашистские собаки и гитлеровские бандиты». Я не дурак! Я и подумал: «Эва, испугал! Не видал я собак что ли?..»—И лег спать. И тут, извиняюсь, собаки мне приснились! Порядочная такая свора густопсовых... Бегают по хатам и всякое добро волокут. Настоящие ворюги.

Вейдеман. Глупый сон.

Парень. А, конечно, глупый... И будто хотят они меня покусать, а я их по морде, по морде, по морде!..

Вейдеман. Довольно, чорт возьми! Мне уже надоела эта дурацкая болтовня.

Парень. (Вздыхая). У вас не найдется покурить?

Вейдеман. (Смотрит на него в упор). Партизаны тут есть?

(Парень долго думает, шевеля губами).

Отвечай!

Парень. Обождите, я вспоминаю... (Перечисляет, загибая пальцы). Цурканы есть. Молчаны есть, Пурканы есть... А Партизаны?.. Будто нет у нас такой фамилии. (Снова начинает перечислять). Бурканы есть. Молчаны есть. Пузаны есть...

Вейдеман. Идиот! Это не фамилия, а разбойники, которые прячутся в лесу и стреляют в наших солдат. Понимаешь? Есть у вас партизаны?

Парень. Понимаю. Я ж не дурак. Я вот что думаю: ежели они в лесу, то нужно вам в лес сходить и там партизанов спросить. Правильно я говорю?

Вейдеман. Я сейчас прикажу тебя расстрелять, болван!

Парень. Гы... Шутите? Есть покурить?

Вейдеман. Молчать! С кем разговариваешь? Не видишь?

Парень. (Внимательно его рассматривает). Нет вижу. (Протирает глаза). Основательно вижу. Человек вы молодой, примерно моих лет, а только я свинопас, а вы, видно, порядочная шишка... Однако, скажем по совести, оба мы не дураки...

Вейдеман. (В сторону). Кажется, у меня нехватит терпения. (Парню). Ты знаешь село Хвощи?

Парень. Соседнего села не знать? Вот тут, за болотом и Хвощи будут. У меня там знакомые девчата.

Вейдеман. А где дорога через болота на Хвощи?

Парень. А там, где и была... Куда ей деваться?

Вейдеман. Я тебя про направление спрашиваю.

Парень. Направление—куда хочешь. У нас вполне свободно. Я, к примеру, сельскогохозяйственного направления, а можно и по промышленному. У меня товарищ был, Ванька Танцура,—так он, извините, на ветеринара направление выбрал.

Вейдеман. Постой, постой... Фу, черт! Трудно, однако, с тобой объясняться.

Парень. А я люблю непонятный разговор. Бывает говоришь, а потом и сам не знаешь, про что говоришь. Очень приятно.

Вейдеман. Как проехать через болото на Хвощи—вот о чем я спрашиваю. Понимаешь?

Парень. Гы... А чего тут понимать? Мельницу ветряк на горке видели?

Вейдеман. Да.

Парень. Ну, вот и все.

Вейдеман. Что все?

Парень. На этом ветряке мельником был дед Макар. Он мне, извиняюсь, дальним родственником приходился. Замечательные дыни разводил дед Макар.

Вейдеман. (Почти в отчаянии). Я не про дыни тебя спрашиваю, а про дорогу на Хвощи! Боже мой, какой идиот!.. Как проехать через болото на Хвощи? Понимаешь, что тебя спрашивают?

Парень. А чего тут понимать? Я же не дурак.

Вейдеман. Ну?

Парень. Чего ну?

Вейдеман. Как проехать?

Парень. А зачѣм вам туда ехать? Село, извиняюсь, задрипанное. У нас лучше. Таких дынь, как у нас, в Хвощах никогда не бывает.

Вейдеман. (В бешенстве). Я тебя сейчас расстреляю! Где дорога на Хвощи, мерзавец?

Парень. Да это и всякий дурак знает. Прямо удивляюсь, что вы не знаете. От ветряка через леваду, где растут вербы, а потом уже кустами до самых Хвощей.

Вейдеман. (Бросаясь к карте). А... вот и кустарник...

Парень. А можно еще и другой дорогой: на другой конец села выехать...

Вейдеман. (Поднимает голову). Другую дорогу ты мне сам покажешь... Сколько километров через болото до Хвощей?

Парень. А я считал?... А вот ежели взять на дорогу добрую буханку хлеба да пару огурцов и начать 'от самого ветряка понемногу отщипывать хлеб и откусывать огурец, то пока до Хвощей доберешься, всю буханку хлеба можно умять. Теперь и считайте, сколько это километров.

Вейдеман. Выйди из хаты и обожди в сенях.

Парень. Значит, обратно спать? (Идет к двери). Это с удовольствием. Я, кажись, немного не доспал...

Вейдеман. (Кричит в дверь). Ефрейтор, придержите этого дурака, пока я его позову!

(Парень выходит).

(Бросается к телефону). Сержант Шток? Да, это я... Этот дурак все сказал. Немедленно отправляйся со своим отрядом. От ветряной мельницы дорогу показывают вербы, далее кустарник до Хвощей. Я пойду другой дорогой. Мы ударим во фланг с двух сторон. Немедленно. Для связи пришли мотоциклиста. (Кладет трубку, смотрит на часы). Шток сейчас выступает. Я выступлю через полчаса... У меня есть время окончить письмо. (Садится к столу и пишет, потом перечитывает вполголоса) «Моя маленькая Клерхен! Пишу тебе при тусклом свете свечи в селянской хате, куда меня забросила судьба. Моя карьера

подвигается быстро. Это блиц¹. Я уже командую отрядом и мне дано ответственное поручение, которое я выполню блестяще. Русские вообще дураки...» (Поднимается из-за стола и делает несколько шагов по комнате). К этому дураку я даже чувствую некоторую симпатию. Он поможет мне получить повышение и награду... Впрочем, после перехода через болото мы его расстреляем. (Присаживается к столу, быстро пишет и прочитывает вслух). «Моя милая Клерхен, мы молниеносно покорим эту варварскую страну. Я возвращусь домой с немалой добычей. Нас ожидает богатство и слава. Получила ли ты синюю шубку и мех?.. Скоро ты снова получишь от меня приятный сюрприз» (Складывает письмо, запечатывает его в конверт). Ефрейтор!.. (Пауза). Ефрейтор!.. Заснул, негодяй! (Прислушивается).

(Ясно доносятся звуки сопелки).

Что за музыка? Откуда? Ефрейтор!

(Звук сопелки обрывается).

Ефрейтор!

(Входит парень, зевает и протирает глаза)

Парень. Звали?

Вейдеман. Я звал ефрейтора. Где ефрейтор?

Парень. Извиняюсь, сказать неудобно.

Вейдеман. Что за ерунда!

Парень. «Ты,—говорит мне ефрейтор,—посиди, а я по своим надобностям на пять минут сбегаю».

Вейдеман. Мерзавец! Я ему покажу надобности!

Парень. Извиняюсь, зачем ему показывать? Он и сам знает—не малое дитя.

Вейдеман. Замолчи! Кто играл на дудке?

Парень. (Вынимает из кармана свою свистульку). Я играл.

Вейдеман. Ты? Кто тебе разрешил?

Парень. На такое дело не нужно разрешения. Душа просит—играю. (Прикладывает к губам сопелку и начинает играть).

Вейдеман. Замолчи!

Парень. Не нравится. Я могу на другой лад. (Играет «Интернационал»).

Вейдеман. Ты с ума сошел!

(Парень продолжает играть все громче).

(Толкает его). Идиот, замолчи!

¹ Молниеносно.

(Слышен выстрел).

Парень. Вот теперь—да. Теперь можно и помолчать.

Вейдеман. Кто это стрелял? Ефрейтор! (Бросается к двери).

Парень. (Преграждает ему путь). Напрасно беспокоитесь.

Вейдеман. (Озабоченно). Как напрасно?

Парень. Извиняюсь. Прикончил я вашего ефрейтора.

Вейдеман. (Растерянно). Как прикончил?

Парень. Обыкновенно. По башке прикладом.

Вейдеман. Не может быть!

Парень. Вполне может.

Вейдеман. Как смеешь ты шутить со мной, дурак?

Парень. Нет, теперь я уже не дурак, ваше благородие.

(Вейдеман с удивлением и ужасом смотрит на него. Лицо парня вдруг преобразилось: исчезла глупая усмешка, глаза смотрят разумно и строго, губы крепко сжаты, фигура выпрямилась).

Вейдеман. (Опомнившись, бросается к столу за своим револьвером с криком). Застрелю, мерзавец!

Парень. (Отталкивает его в сторону и хватая револьвер). Врешь!

Вейдеман. Чорт!.. (Хочет броситься к двери).

Парень. (Преграждает путь ему). Руки вверх, дурак!

Вейдеман. (Поднимает руки вверх и беспомощно озирается). Боже мой, как это случилось?..

Парень. Пока мы тут с тобой дурака валяли, мои хлопцы устроили засаду. В крепко запертых хатах горят твои собачки-штурмовики.—Сержант Шток утопает в болоте со всем своим отрядом. Штабные документы попадут теперь, куда нужно. (Берет со стола портфель с бумагами). Понимаешь теперь, кто из нас дурак?

Вейдеман. Пощади!

Парень. (Направляя на него револьвер). Марш из хаты!

Вейдеман. (Пятится к двери). Куда? Куда вы меня ведете?

Парень. Получать советскую землю. Три аршина. Пожалуйста. Нам не жалко. Ступай. (Выталкивает его из хаты).

ТРИ СЕРДЦА

Действующие лица:

Анна Львовна
Липский
Королев

Анна Львовна. (Сидит за столом, вяжет. В дверь стучат). Войдите!

(Входит Липский с букетом цветов).

Липский. Добрый вечер. Анна Львовна! (Здоровается). Поздравляю вас с днем рождения. Растите большой, будьте умницей. (Дает букет). Это—вам.

Анна Львовна. Спасибо.

Липский. Вы знаете,—мне эти астры устроил мой приятель—Васька Пушкив. Дней пяток назад звонит утром: «Сенька, тебе астры нужны?» Я говорю: «На той пятidineвке нужны будут».—Надо сегодня хватать—иначе прозвеш. (Сыпь в оранжерею, скажи, что от меня пришел».—Порядочек!.. Я их пять дней в ванной держал, а все-таки они немножко привяли.

Анна Львовна. Нет, ничего!.. (Ставит астры в воду). Спасибо за внимание.

Липский. Перчаточки вязали?

Анна Львовна. Да.

Липский. И не стыдно?

Анна Львовна. Не стыдно.

Липский. Неужели трудно снять трубочку, позвонить Сене Липскому и сказать просто, откровенно, из сердца в сердце: «Сенечка, достаньте мне перчатки, размер такой-то, сорт высший!» Порядок!

Анна Львовна. Я не для себя вяжу, Сенечка,—для фронта.

Липский. Тогда—другое дело. (Пауза). Анна Львовна... Анечка... когда же вы мне ответите на мой кардинальный вопрос?

Анна Львовна. Вы все о том же, Сенечка?

Липский. О том же.

Анна Львовна. Вы мой ответ знаете.

Липский. «Жди меня и я вернусь»?

Анна Львовна. Да. Я жду. И буду ждать.

Липский. Ждите.—я же ничего не говорю. Ждите, дорогая Анна Львовна... Анечка!.. Только позвольте мне ждать Бори-

са вместе с вами. Ведь он мой друг, он мне дорог так же, как и вам. В другом несколько плане, но дорог.

Анна Львовна. Что это значит: «Ждать вместе с вами»? Объясните, пожалуйста!

Липский. Ну... организационно всегда быть рядом с вами. Вы ждете Борьку и я тут же рядышком... Жду Борьку... Чтобы Вам не было скучно!.. И чтобы вы могли ко мне получше присмотреться и меня оценить!.. (Берет ее за руку). Анна Львовна... Анечка... скажите, неужели меня нельзя полюбить?

Анна Львовна. (Освобождая свою руку). Наверное, —можно.

Липский. Посмотрите на меня. Молодой, почти красивый, здоровый, бронированный. Предан вам, как собака. Имейте в виду, что я из тех, которые не пропадают и с которыми не пропадают.

Анна Львовна. О, это я вижу!..

Липский. А что—разве это плохо? Ведь вам ни о чем не надо будет заботиться. Вам останется только командовать: «Сенечка, нужна литерная столовая. Пиль!» Порядочек!.. «Сенечка, нужны дрова! Пиль!» Порядочек! «Сенечка, нужен чорт в ступе. Пиль!» Порядочек!.. Улыбнитесь же и скажите мне что-нибудь ласковое...

Анна Львовна. Прекратите этот никому не нужный разговор, Пиль!..

Липский. Порядочек!.. Только вы напрасно сердитесь, Анна Львовна. Ведь я, кроме добра, ничего вам не желаю... Смотрите на меня, как на палку, на которую можно опереться в случае чего... Все таки—война... мало ли что может быть!..

Анна Львовна. Вы что-то не договариваете, Липский. Вы что-нибудь знаете?

(Липский молчит).

Боже мой, почему вы молчите?.. Ну, говорите же!..

Липский. У меня есть приятель—Ванька Колесников. Его брат был в ополчении вместе с Борисом... потом его ранили, и он из госпиталя прислал письмо Ваньке... В этом письме он пишет... (Достает письмо, мнется).

Анна Львовна. Читайте!

Липский. (Читает). «Я увидел, как упал Борис Королев, а потом он потерял сознание!...»

Анна Львовна. Упал—это не значит убит.

Липский. Конечно, не значит!.. Но только на фронте... лучше не падать, Анна Львовна. Это не то, что на улице шел,

споткнулся, набил шишку на лбу, поднялся и дальше по-
пал. Я не хочу ничего дурного думать, но... надо трезво
смотреть на вещи... Все-таки прошло больше года...

(Анна Львовна отворачивается, плечи ее вздрагивают...)

Анна Львовна!.. Не надо!.. (Хочет ее обнять).

Анна Львовна (со слезами). Уходите!..

Липский. Я не могу вас оставить в таком состоянии.

Анна Львовна. Уходите!.. Я хочу... я должна остаться
одна!..

Липский. Порядочек!.. Ухожу!.. Но вы мне разрешите
зайти попозже... когда вы успокоитесь? Можно?..

(Анна Львовна молчит).

Я зайду... (Уходит на цыпочках).

(Анна Львовна сидит молча, смотрит в одну точку. Пода ее выражает
глубокую скорбь. Потом она встает, подходит к зеркальному шкафу
и долго смотрит на свое отражение. Тихо отворяется дверь. Анна
Львовна оборачивается и видит на пороге комнаты Бориса Королева.
Он — в шинели, бледен, оброс бородой. За плечами его какой-то мешок).

Королев. Аня! Это—я!..

Анна Львовна. Боря!..

(Несколько секунд они стоят молча, напряженно улыбаясь,—они не
могут осознать реальности этой встречи,—потом бросаются в объятия
друг другу).

Анна Львовна. (Страстно целуя мужа). Живой!..
Господи, что же это такое?! Ведь больше года... безвест-
ность, пустота...

Королев. Только пять дней назад меня на самолете вы-
вели из немецкого тыла. Я был в партизанском отряде;
меня эвакуировали... Я... немножко болен. Аня. Тебе при-
дется со мной повозиться, ну уж извини меня!.. (Садится
на диван).

Анна Львовна. Ты ранен?

Королев. Был ранен. Потом болел. В общем всякая ерунда.
После расскажу. Ослабел!..

Анна Львовна. Ты останешься со мной, да, Боря?..

Королев. Да. Пока не поправлюсь... Потом—вернусь в
часть... Сейчас поднимаюсь по лестнице—сердце колотится,
иду и не понимаю,—во сне все это со мной происходит или
наяву. Перила, лестница, наш московский дом!.. Отворяю

дверь—ты знаешь, у меня чудом сохранился мой ключ!—и вдруг на меня напал страх. Такой, какого я там не знал! Я подумал: а вдруг ее нет?.. Умерла?.. Уехала! Ушла к другому... Ведь больше года прошло!.. Я оцепенел и долго стоял в передней, не решался к тебе войти... У соседей, у тебя, во всей квартире—тихо, как в лесу зимой!.. Это было очень страшно!..

Анна Львовна. Борька, милый!.. Любое твоё желание, прихоть твою любую буду выполнять... Ну, что ты хочешь, скажи!..

Королев. Я хочу... только не смейся, Анечка, я хочу выпить с тобой чаю, но обязательно из самовара.

Анна Львовна. Почему из самовара, милый?

Королев. Тебе, смешно, да?.. Но, знаешь,—мы как-то лежали в землянке, в лесу... Осень... Дождь шумит... Деревья под ветром стонут... Холодно, пустынно... А мы лежим и мечтаем вслух... Каждый о своем... Антон Васильевич,—был у нас такой в отряде—милый человек, инженер-путеец,—между прочим, большой специалист, эшелонов восемь немецких пустил под откос,—он все о море мечтал. Выгоним немца,—говорит,—поеду на море, лягу у самого берега, чтобы волны ноги лизали, и буду на солнышке до тех пор, пока со спины семь шкур не сойдет... А Воробьев Сашка—тот мечтал в Сандуны сходить. А я—чтобы можно было с тобой вдвоем чаю выпить. Из самовара. Знаешь,—как раньше!..

Анна Львовна. Сейчас будет самовар. (Берет самовар). Я побегу—достану углей.

Королев. Не надо! Это трудно, наверное, Аня?

Анна Львовна. Ничего, ничего!.. Если б даже самовары ставили звездами—я б и то для тебя достала. Ты приляг пока, Боря, отдохни...

(Королев снимает шинель, дает ей. Она уносит шинель, возвращается. Он ложится на диван. Анна Львовна укрывает его пледом.)

Анна Львовна. Полежи,—я сейчас!.. (Уходит).

(Королев лежит. Ему холодно. Он укрывается пледом с головой. Пауза. Отворяется дверь—входит Липский. Он тихо подходит к дивану, садится в ногах).

Липский. Вы не спите, Анечка?

(Королев не двигается).

Вы успокоились?.. Ну вот и хорошо!.. Я же вам говорил—смотрите на меня, как на палку... Опирайтесь смело...

(Королев делает движение под пледом. Пауза).

Анечка, ну, скажите только слово: мои дела не совсем безнадежны?.. Анечка, ведь я же предан вам, как собака!.. Я буду все для вас делать... Я заставлю вас забыть вашу горе. Мы будем вместе с вами вспоминать Борьку.

(Королев сбрасывает с себя плед и садится на диван. Липский вскакивает, как будто он увидел змею).

Липский. Кто это!.. Что это?..

(Входит радостная Анна Львовна).

Анна Львовна. Все в порядке!.. (Видит Липского и растерянно умолкает).

Королев. У человека большая неприятность, Аня. Он хотел вместе с тобой вспоминать меня. А я—живой!

Липский. Борька! Друг!.. Как ты можешь так говорить?.. Дай мне обнять тебя... (Хочет обнять Королева).

Королев. Не надо объятий, Липский!.. Оставь!..

Анна Львовна. Уходите, Липский!..

Липский. Анна Львовна,—я хочу сказать лишь одно: это все шло из глубины сердца!..

Анна Львовна. Оно у вас очень мелкое, Липский!..

Липский. Напрасно обижаете, Анна Львовна!.. Я искренно рад, что все так хорошо кончилось, поверьте!.. Борис вернулся, вы счастливы,—я тоже.

Анна Львовна. Значит, вы уже не хотите быть всегда рядом со мной?

Липский. (В полном смущении). Не хочу... То есть хочу... То есть... одним словом, я очень рад, ей-богу!.. Надо по этому случаю водочки выпить, я считаю, а?.. Разрешите, я сбегая, достану, а?..

Анна Львовна. По-моему, вам лучше уйти, Липский!

Королев. По-моему,—тоже. Потому что, если я обопрусь на эту палку!.. И возьму вот эту палку... (Показывает на трость в углу).

Липский. (Печально). Порядочек!.. Ухожу!.. (Уходит).

(Королев и Анна Львовна смотрят друг на друга, потом он привлекает ее к себе и целует).

★

НАХАЛ

Действующие лица:

Майор Романенко.

Адъютант.

Младший лейтенант Лебедев.

Командный пост эскадрильи береговой авиации на далеком северном аэродроме. Майор Романенко, грузный человек с седыми висками, командир эскадрильи, говорит по телефону со штабом авиаполка.

Романенко. (В трубку)... Разрешите доложить, товарищ полковник, задание по ночной бомбардировке вражеского аэродрома выполнено. Все наши самолеты вернулись. Старший лейтенант Герасимов был тяжело ранен в бою, но привел машину на аэродром, посадил и скончался за рулем после посадки... Да, да, потеря крови... Отличный летчик... У него жена в Москве... Детей, кажется, нет... Хорошо, товарищ полковник, я напишу ей... Нет, машина цела, только маленький ремонт требуется... Пустяки, два-три дня... Кстати, напоминаю, товарищ полковник, вы обещали прислать нам пополнение... Как вы говорите... Один человек вчера отправлен на катере... Нет, кажется, еще не прибыл... Пока мне никто не докладывал... Слушаюсь, товарищ полковник... (Вешает трубку).

(Входит адъютант, маленький, бодрый, оживленный человек).

Адъютант. Разрешите доложить, товарищ майор, с базы пришел катер... Привезли почту, продукты для диетиков. А также прибыл новый летчик.

Романенко. Ага... Мне о нем говорил полковник. Вы его видели?

Адъютант. Да. Только что из летной школы.

Романенко. Ну вот, взяли моду присылать нам мальчишек! Разве этот птенец заменит мне Герасимова...

Адъютант. А вам письмо, товарищ майор.

Романенко. Наконец-то... (Быстро берет у адъютанта письмо, смотрит на штемпель). Челябинск...

Адъютант. От дочери, товарищ майор.

Романенко. Да... Целый месяц не было писем... Что с ней там приключилось... (Раскрывает конверт, читает). Что, что. Вот еще новости!.. (Рассеянно продолжает

читать). Что-что. Что она там с ума сошла, что-ли... Вот дурища!.. Учиться ей надо, а она... послушайте, Сергей Петрович, моя Люська-то замуж выскочила.

Адъютант. Поздравляю, товарищ майор.

Романенко. Но с чем... Это же бред какой-то. Девчонке восемнадцать лет, она только десятилетку в прошлом году закончила, и вот, извольте видеть, замужняя дама!.. (Сердито читает). «Милый папка, ты, конечно, будешь рад за меня...». Вот именно... Безумно рад... С ума схожу от счастья... Вот я напишу ей сейчас, как я рад... Дура!.. Девчонка!.. Ей книжки читать надо, а не о мужьях думать. Так вот почему она целый месяц ничего не писала... И как это у них скоро теперь... Месяц назад все о подругах писала: Тонька — прелесть, Катя—умница, Женя — изумительный товарищ... А сейчас об этих Женях, Тонях, Катях—ни слова... Интересно, кто ее муж... Наверно, какой-нибудь фронт с ее же курса.

Адъютант. Разве она вам не пишет, товарищ майор?

Романенко. В письме шестнадцать страниц... еще не дочитал. Наверно все-таки пишет... Пока только я узнал, что он самый замечательный... Воображаю!..

(Входит лейтенант Лебедев)

Лебедев. Товарищ майор...

Романенко. (Отрываясь от письма). Я вас слушаю.

Лебедев. Разрешите представиться. Прислан в ваше распоряжение—младший лейтенант Лебедев.

Романенко. Добрый день, товарищ младший лейтенант... Вы к нам с какого фронта?

Лебедев. (Весело). Я на фронте еще не был, товарищ майор... месяц назад кончил летную школу.

Романенко. Как доехали, товарищ младший лейтенант?

Лебедев. Вполне благополучно, товарищ майор... Дорога интересная... Я впервые на севере, товарищ майор.

Романенко. Ну, и как—нравится?

Лебедев. Пока нравится, товарищ майор.

Романенко. Ну, если пока нравится, то и дальше еще больше нравиться будет... В общежитие вас устроили?

Лебедев. Да, товарищ майор. Спасибо, товарищ майор.

Романенко. Ну, идите, товарищ младший лейтенант. Отдыхайте с дороги, осматривайтесь... Через несколько дней примете машину и получите назначение баражировать над аэродромом...

Лебедев. Разрешите просить вас, товарищ майор, назначить меня в боевой вылет.

Романенко. Так прямо сразу и в боевой вылет... Не торопитесь, товарищ младший лейтенант, успеете... Я сказал—будете дежурить в охранном патруле над аэродромом... Вот одну машину нам подштопают, вы ее и примете.

Лебедев. Ту машину, на которой старший лейтенант Герасимов летал, товарищ майор?

Романенко. А вы откуда знаете?

Лебедев. Мне рассказали.

Романенко. Ого, какой вы быстрый!.. Только что из катера, а уж в курсе всех наших дел.

Лебедев. Да, вы правильно сказали, товарищ майор, я быстрый... Разрешите к вам обратиться, товарищ майор, еще с одной просьбой...

Романенко. Ну, говорите.

Лебедев. Я слышал, товарищ майор, что сейчас два звена истребителей вылетают навстречу нашим транспортным в море.

Романенко. Ну, и что же?

Лебедев. Разрешите просить, товарищ майор, мне лететь с ними... На чьей-нибудь свободной машине...

Романенко. Разрешите вам сказать, товарищ младший лейтенант, что вы, очевидно, плохо отдаете себе отчет в том, что говорите... Вы, молодой неопытный летчик, только что со школьной скамьи, и просите послать вас на задание, где вам придется лицом к лицу встретиться с лучшими немецкими ассами. Вылет в море на охрану транспорта, это не увеселительная прогулка, товарищ младший лейтенант, как вам, вероятно, кажется.

Лебедев. Вот поэтому я и прошу вас...

Романенко. Да ведь у вас нет никакого боевого опыта, милый... Как же я могу вас послать?..

Лебедев. Я справлюсь, товарищ майор... Я уверен, что справлюсь... Я знаю...

Романенко. Советую вам меньше быть уверенным... Терпеть не могу самонадеянности... А, кроме того, свободных машин у нас нет.

Лебедев. Разрешите вам сказать, товарищ майор, в школе истребителей я был одним из первых.

Романенко. Здесь не школа, а боевое подразделение. В школе вы могли быть первым, а здесь, возможно, будете последним, товарищ младший лейтенант...

Лебедев. Я никогда не буду последним, товарищ майор.

Романенко. Однако, вы в этом чересчур уверены.

Лебедев. Когда вы меня узнаете, товарищ майор, вы скажете, что я был прав, товарищ майор...

Романенко. А когда вы меня узнаете, товарищ младший лейтенант, то вы поймете, что я не доверяю хвастунам...

(Пауза).

Вы меня поняли, товарищ младший лейтенант?

Лебедев. Нет, товарищ майор...

Романенко. Как—нет!

Лебедев. Дело в том, что вы ошибаетесь во мне, товарищ майор...

Романенко. А вы ошибаетесь во мне, товарищ младший лейтенант, если думаете, что я позволю вам болтать все, что придет в голову... Не знаю, чему вас обучали в вашей школе, но дисциплине вас там не выучили...

Лебедев. Разрешите вам сказать, товарищ майор...

Романенко. Не разрешаю... Можете идти... Я сказал вам, можете идти...

(Лебедев уходит).

Какой нахал!.. Ненавижу нахалов... Где он кончал школу?

Адъютант. В Челябинске, товарищ майор.

Романенко. У нас, кажется, кто-то еще был из Челябинска?

Адъютант. Покойный старший лейтенант Воробьев...

Романенко. Да, да...

(Звонок телефона. Адъютант снимает трубку).

Адъютант. Слушаю... Вас к телефону, товарищ майор, из штаба.

Романенко. (Берет трубку). У телефона майор Романенко... Слушаюсь, товарищ полковник. (Вешает трубку и что-то отмечает на карте). Сергей Петрович, распорядитесь все свободные машины назначить на вылет... К порту летит несколько десятков мессершмиттов и юнкерсов... Полковник приказал отправить на перехват всех свободных летчиков. Боевое задание объясню сам... Вызовите всех на поле к машинам.

Адъютант. Слушаюсь, товарищ майор. (Уходит).

(Романенко снова берется за письмо. Но едва он успевает надеть очки, как в комнату снова стремительно входит Лебедев).

355651

Лебедев. Разрешите, товарищ майор...

Романенко. Ну, что...

Лебедев. Я смотрел машину летчика Герасимова... Позвольте доложить, товарищ майор, на ней можно летать без ремонта.

Романенко. (Сердито). Ну, и что же?

Лебедев. Позвольте, товарищ майор, мне принять сейчас машину и сделать пробный вылет...

Романенко. Вы мне надоели, товарищ младший лейтенант. Я лучше вас знаю, что нам надо делать...

Лебедев. Товарищ майор...

Романенко. Повторяю, вы мне надоели... Понятно?

Лебедев. Но, товарищ майор... Прошу вас...

Романенко. А за то, что вы пристааете ко мне с вашими дурацкими просьбами, я вас посажу на трое суток под арест. Через трое суток машина Герасимова выйдет из ремонта. Так, что вы как раз поспеете.

(Входит адъютант).

Адъютант. Машины на старте, товарищ майор.

Романенко. Иду... Распорядитесь, товарищ лейтенант, арестовать товарища младшего лейтенанта на трое суток.

(Уходит).

Адъютант. Поздравляю... действительно, вы быстрый... Едва приехали и уже под арест... За что он вас?

Лебедев. Не знаю... Он сказал, что я ему надоел...

Адъютант. Сегодня он не в духе. Его письмо от дочери расстроило...

(Звонит телефон. Адъютант снимает трубку).

Да, да, слушаю... Нет, товарищ майор на поле. Объясняет боевое задание... Что? Радио от капитана Весеньева?.. Да, да... Хорошо, я доложу... (Кладет трубку и что-то записывает).

(Входит майор).

Товарищ майор, радист принял сообщение от капитана Весеньева. Его звено находится в бою в секторе «Д»... С превосходными силами противника... просит прислать помощь.

Романенко. Ну, вот, а у нас больше никого нет. Все в разгоне.

Адъютант. У лейтенанта Петровского зубы болят. Он в санитарном пункте. Я слышал, ему сегодня лучше. Может быть...

Романенко. Правильно... Но одного Петровского мало...

Лебедев. Разрешите мне, товарищ майор... Трое суток я потом отсижу после вылета с лейтенантом Петровским...

(Романенко сердито машет рукой).

Я очень прошу вас, товарищ майор... Я оправдаю доверие, товарищ майор... (Пауза).

Романенко. (Усталю). Ладно... Летите... Берите машину Герасимова... (Сердито). Почему вы улыбаетесь?

Лебедев. Я так и знал, что вы позволите, товарищ майор. Не сомневайтесь, задание выполню точно.

Романенко. Объясните им, Сергей Петрович, задачу. А вы не отставайте от Петровского, товарищ младший лейтенант, и собирайтесь поскорей.

Лебедев. Я быстрый, товарищ майор...

(Лебедев и адъютант уходят).

Романенко. (Один). Какой нахал, все-таки уговорил... (Пауза). Горячий денечек. А с утра думал — тихо будет. (Вынимает из кармана письмо и надевает очки. Читает). Однако... Вот чорт...

(Входит адъютант).

Сергей Петрович, как его фамилия?

Адъютант. Кого, товарищ майор?

Романенко. Ну, вот этого, новенького?

Адъютант. Лебедев, товарищ майор... Он из Челябинска, товарищ майор.

Романенко. Из Челябинска... Да, да... Так и есть... Вот так штука... Слушайте, Сергей Петрович... (Читает). «Моего мужа, дорогой папка, зовут Андреем Лебедевым. Он недавно кончил школу истребителей и на-днях едет на фронт. Он ужасный нахал, но замечательный парень, и я его страшно люблю... Если ты с ним случайно встретишься на фронте...». Ну, и так далее. Значит, этот молодчик, так сказать, мой зять... Да, удружила доченька!

Адъютант. (У окна). Петровский и Лебедев стартуют, товарищ майор...

Романенко. Пойдем, посмотрим... (Подходит к окну). Поднялся недурно... Чистенько... Но все-таки нахал... И чего только в нем Люська нашла...

(Свет тухнет и через мгновение зажигается вновь. Прошло несколько часов. Майор сидит за столом. В комнате сумерки. Входит адъютант).

Адъютант. Звено капитана Весеньева вернулось, товарищ майор. У Дымченко пробит фюзеляж. Весеньев ранен в голову. Во время боя командование звеном принял лейтенант Гурьев.. Сбили три мессершмитта.

Романенко, Петровский и Лебедев с ними?

Адъютант. Нет, товарищ майор.. Капитан Весеньев говорит, они их не встретили.

Романенко. Не встретили?.. Что за чорт!.. Сколько времени назад вылетели Петровский и Лебедев?

Адъютант. Три часа двадцать минут, товарищ майор.

Романенко. Неужели заплутались... Ну, еще Лебедев, я понимаю, он новичок... Но Петровский.. Может быть, пошлем на розыски?

Адъютант. Свободных летчиков нет, товарищ майор.. Только что прибывшие очень устали.. Подождем немного, товарищ майор.

Романенко. Ну, хорошо, подождем.

Адъютант. Через полчаса катер уходит в порт, товарищ майор, если вы хотите, с этой почтой письмо отправить, то пишите сейчас.

Романенко. Да, да.. Я обязательно напишу... (Прислушивается). Кто-то прилетел.. Узнайте, Сергей Петрович. Если это Петровский и Лебедев, то попросите их ко мне.

(Адъютант уходит. Романенко снова берет письмо и негромко читает).

Романенко. «Он ужасный нахал, но замечательный парень, и я его страшно люблю. Если ты с ним случайно встретишься на фронте, то обними его за нас обоих.. Я уверена, что он будет сражаться, как герой, и ты станешь гордиться...».

(Входит адъютант).

Адъютант. Петровский прилетел, товарищ майор.. По дороге к звену Весеньева на них напала шестерка немецких истребителей. Они приняли бой. Немцы стали удирать. Наши погнались за ними. В это время к немцам на помощь подошло еще звено и снова завязался бой. Петровский потерял Лебедева из виду, но заметил, что, когда он видел его в последний раз, самолет его терял скорость.. Они летели над морем, и он опасается, что с ним что-нибудь случилось..

Романенко. Ну, конечно... Этот мальчишка летел на дырявой машине... (Пауза).

Адъютант. Лейтенант Петровский говорит, что младший лейтенант Лебедев сражался, как герой, товарищ майор. Он один бросился на четырех стервятников и сбил двух...

Романенко. Да, да... Еще бы! Нахал... Позовите сюда лейтенанта Петровского.

Адъютант. Он сейчас на перевязке, товарищ майор.

Романенко. Ну, скажите, чтобы он зашел после... А почту отправлять подождите, письмо я сейчас напишу.

Адъютант. Слушаюсь.

(Адъютант уходит. Романенко ходит по комнате).

Романенко. А что, если с ним действительно что-нибудь случилось... Как все это нелепо... (Садится к столу и пишет). «Поздравляю тебя, моя дорогая девочка, всем сердцем радуюсь за тебя. Верю в твой выбор и убежден, что твой муж будет замечательным летчиком... Если даже с ним что-нибудь случится, знай, милая доченька, что он...» (Останавливается, думает, потом пишет молча. Кончил писать, кладет письмо в конверт и заклеивает. Пауза. Некоторое время Романенко сидит молча, потом быстро поднимает голову и бросается к окну).

(Быстро входит, почти вбегает адъютант).

Адъютант. Младший лейтенант Лебедев прибыл, товарищ майор. Он не дотянул до аэродрома и сел на сопках у берега... Его в машине привезли... Самолет полуразбит, не знаю, как он посадил его.

Романенко. Что с ним?

Адъютант. Три раны... Он не мог сам вылезть из кабины. Его перевязывают, товарищ майор...

Романенко. Скажите ему... Скажите ему, что я зайду к нему в санпункт.

(Дверь открывается, шатаясь, весь в бинтах, входит Лебедев).

Лебедев. Разрешите доложить, товарищ майор... Боевое задание не выполнено, но в принятых нами боях я сбил два немецких самолета... Один над морем, товарищ майор... Машина цела, товарищ майор, но нуждается в небольшом ремонте...

(Лебедев теряет сознание и падает. Майор бросается к нему и обнимает).

Романенко. Андрей, Андрюша... (Целует его). Нахал!

Лебедев. (Открывает глаза, улыбается). Меня зовут Алексеем, товарищ майор...

Романенко. Как... Постой... Ты из Челябинска?

Лебедев. Да... Андрей Лебедев у нас тоже был... Мой товарищ... Однофамилец. Он на Черное море назначение получил... (Снова улыбается). Я вам говорил, товарищ майор, что оправдаю до... (Снова теряет сознание).

Романенко. Однофамилец... Ну, позовите же врача, Сергей Петрович... Да вот, кстати, возьмите это письмо... Катер еще не ушел?

Адъютант. Нет, товарищ майор... Ну, как, отругали дочку?

Романенко. Да, да... Отругал... Да, кстати, имейте в виду, что приказ об аресте младшего лейтенанта Лебедева я отменяю.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

(Припев)

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная
Священная война.

Как два различных полюса,
Ко всем враждебны мы, —
За свет и мир мы боремся,
Она — за царство тьмы.

(Припев)

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

(Припев)

Не смеют крылья черные
Над родной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать.

(Припев)

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродьям человечества
Сколотим крепкий гроб.

(Припев)

Пойдем ломить всей силой,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой.

(Припев)

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятым ордом!

(Припев)

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна,
Идет война народная,
Священная война.

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ

(На мотив песни «Ты, моряк»)

Ты — моряк советского народа,
Тебе не страшен враг любой,
За родную землю и свободу
Ты ведешь отважно бой.

Припев:

По морям,
По волнам, —
Бей верней
По врагам!
По морям, морим, морям, морям, —
Бей вернее по врагам!

Бей врага на севере и юге,
Топа, сжигай его дотла,
Пусть поют отважные подруги
Про геройские дела.

(Припев)

Ты готов пожертвовать собой
В бою за Родину и честь,
Там, где нужно мужество героя,
Ты всегда ответишь: «Есть!».

(Припев)

Ты привык решительно и смело
Лихим ударом бить врагов.
Пусть же гранет громче, чем гремела,
Слава русских моряков!

(Припев)

Будь в бою отважен и неустов!
Расплату извергам готовь!
Без пощады бей, моряк, фашистов!
Смерть — за смерть и кровь — за кровь!

(Припев)

ПИСЬМО КАТЮШИ

Расцветали яблоня и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий, на берег крутой.

(Известная песня)

Получил боец письмо из дому
На свои послания в ответ.
В том письме любимому, родному
Шлет Катюша ласковый привет.

«Я теперь,—Катюша пишет другу,—
Не хожу на берег, где туман.
Темной ночью, взяв винтовку в руку,
Я ушла с отрядом партизан.

В том краю, где груши расцветали,
В том саду, где яблоня цвела,

Мы штыками недругов встречали,
На допрос стервятников вели.

На просторе, вольном и широком
Для врага закрыты все пути.
По лесным тропинкам и дорогам
Не проехать немцам, не пройти.

Будет день и розовой порошей
Ветки яблонь снова зашумят.
Будет враг раздавлен и отброшен,
И победу трубы протрубят.

А пока, родной мой и любимый,
Мы идем с тобой в одном строю
Защищать советский край родимый
И любовь горячую свою.

ВЗВЕЙТЕСЬ, СОКОЛЫ, ОРЛАМИ

(На мотив песни того же названия)

Взвейтесь, соколы, орлами,
 Грозной стаей боевой
 Над залятыми врагами,
 Над фашистскою юрдой!

Пусть, как молния из тучи,
 Поражают всех врагов
 И летучих и ползучих
 Стаи храбрых ястребов.

Пусть за пытки, кровь и слезы
 В темном сумраке ночей
 Смерть обрушат бомбовозы
 На убийц и палачей.

Бейте дружно, без пощады
 Силу черную в упор,
 Чтоб не смели вражьи гады
 Мучить братьев и сестер.

Слава подвигов орлиных
 Не померкнет никогда,
 В звонких песнях и былинах
 Будет жить она всегда.
 Наши внуки, вспоминая
 Сорок первый грозный год,
 Вражью силу проклиная,
 Будут славить ваш полет.

ТРИ ТАНКИСТА

(На мотив одноименной песни)

Расскажи-ка, песенка-подруга,
Как дерутся с черною ордой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

Не дают они фашистским танкам
Темной ночью в тыл забраться к нам,—
Без пощады бьют бандитов с фланга,
Угощают крепко по зубам.

Не одну немецкую гадюку
Укротили силой огневой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

Под огнем, горя святою мезтью,
Шел их танк на целый батальон.
И за подвиг доблести и чести
Экипаж отважный награжден.

И не раз врагу придется туго
Там, где водят танк геройский свой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

КРАСНАЯ АРМИЯ В БОЙ ИДЕТ

(На мотив песни «Красная Армия всех сильней».)

Армия Гитлера, черный злодей,
Снова кует нам железо цепей,
Но от Дуная до северных вод
Красная Армия в бой идет.

Припев:

Так пусть же Красная сжимает властно
Свой штык могучею рукой!
С тобою, Сталин, мы побеждали
И победим опять с тобой!

Честь нашей Родины нам дорога.
Дружною лавою—все на врага!
И от Дуная до северных вод
Красная Армия в бой идет.

(Припев)

Сталин скликает отважных сынов,
Все до единого мчатся на зов,
И от Дуная до северных вод
Красная Армия в бой идет.

Припев:

Так пусть же Красная сжимает властно
Свой штык могучею рукой!
С тобою, Сталин, мы побеждали
И победим опять с тобой!

СРЕДИ ЛЕСОВ ДРЕМУЧИХ

Песня партизан

(На мотив песни «Все пушки, пушки грохотали»).

Среди лесов дремучих,
Среди родных полян
Растет семья могучих
Бесстрашных партизан.

Припев:

Суровый голос раздается:
«Клянемся землякам,—
Покуда сердце бьется,
Пощады нет врагам!»

Встают, встают колхозы,
Врагам готовят месть
За пытки и за слезы,
За попорченную честь.

Крушите смертным боем
Насильников-зверей
За дикие разбои,
За горе матерей.

У нас с проклятым гадом
Короткий разговор —
Бей пулей и прикладом
И в спину и в упор.

Вовеки не допустим,
Чтоб нас осилил гад —
Стреляет каждый кустик,
Воюет каждый сад.

От пули нам не больно,
И смерть нам не страшна,
Была бы только вольной
Родимая страна.

Припев.

ЧАСТУШКИ

А. СТОВРАТСКИЙ.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА

(Частушки для двух или нескольких пар исполнителей)

Дым стоит на горизонте,
Крепко бьют врага на фронте
Наши славные бойцы —
Сыновья, мужья, отцы.

Мы в тылу стоим на страже
Против черной рати вражьей!
Чем сильнее и крепче тыл,
Тем на фронте крепче пыл!

Жены тоже не спасуют,
Хоть в тылу, а все воют
В поле, в цехе шум работ
Не умолкнет, не замрет!

У меня такой характер:
Муж — на фронт, а я — на трактор!
— Раз война — мы на-чеку:
Муж -- на фронт, а я — к станку!

И в тылу у нас герои:
Выполняют нормы втрое!
Я от них не отстаю:
По четыре в день даю!

А я нормы не считаю,
Больше фронту дать желаю.
Стали их вчера считать:
Оказалось с лишним пять!

Силу нашу, враг, узнай-ка,
Нынче каждая хозяйка
На военные дела
Облигации сдала!

Я сдала свою браслетку,
Чтобы сделали танкетку!
Три кольца снесла я в банк —
Пусть на них построят танк!

На заводе, в школе, дома
Сколько есть цветного лома!
Весь до грамма этот лом
Мы для фронта соберем!

Все дырявые кастрюли —
Это бомбы, это пули!
Чайник, ложка, самовар —
По захватчикам удар!

Все для фронта, для победы:
И снаряды, и торпеды,
Цех, колхоз и каждый дом,
Укрепляйте фронт трудом!

Нашу волю, наши чувства,
И науки, и искусства,
Мощь и силу всей страны —
Все для фронта, для войны!

ФРОНТОВЫЕ ЧАСТУШКИ

Мы не пели две недели,
 Били немцев по тылам,
 Еле-еле мы успели
 Заглянуть сегодня к вам.

Песни знаем мы любые,
 Выступаем мы вдвоем,
 Боевые, фронтовые
 Все частушки пропоем.

Как у нас в любом полку
 Все ребята — золото:
 Много немцев на муку
 Нами перемолото.

Фриц с женой прощался пылко,
 Обещал прислать посылку.
 Помешала слать посылки
 Пуля русская в затылке.

Шла немецкая машина,
 В ней бочонков семь бензина.
 Как взлетит на mine вверх! —
 Интересный фейерверк!

На поляне — «Мессершмитт»,
 Он имеет бледный вид:
 Сбил боец наш птицу ту
 Из винтовки налету!

Как швырну в огонь бутылку
 Трахну танку по затылку,
 Постреляет горяча,
 Да и вспыхнет, как свеча!

Снайпер бывший счетовод,
 Сбитым немцам счет ведет.
 «Подытожен» сотый Ганс —
 Замечательный «баланс»!

Заскрипел боец зубами,
Крикнул немцам на ходу:
«Запасайтесь все гробами,
Я с гранатами иду!».

Немец пишет в дневнике:
«Сел барана в хуторке»,
А о том, что лую с'ел —
Записать он не успел..

Офицер солдат ораву
Утром вел на переправу.
Русский летчик всех солдат
«Переправил» прямо в ад!.

Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

ЧАСТУШКИ

Я на-днях тренировался
Целый день маскировался,
А потом два дня ходил, —
Сам себя не находил,

Автоматчик боевой
Пишет девушке одной:
Дескать, ты, моя душа,
Хороша, как Пе-Пе-ша.

Хорошо «Катюша» кроет,
Деловито, не шутя.
Лишь, как зверь, она завоет,
Немец плачет, как дитя.

Эх, хорош жених у Тони,
Он в гвардейском эскадроне.
Ей милее всех других
Этот гвардии жених.

Мой приятель, снайпер Женья,
Отмечал свой день рожденья,
За день немцев угостил
Столько, сколько лет прожил.

Полюбила Ваню Таня,
И теперь мне нет надежд,
Так как в сердце Тани Ваня
Занял выгодный рубез.

Если девушка терзает,
На любовь не отвечает, —
Рана в сердце... Тем не менее
Нет нашивок за ранение.

Не могу никак суметь
Твоим сердцем овладеть
Почему-то, отчего-то
Твое сердце вроде ДЗОТ'а!

Катя мазала ресницы,
Вся намалевалася,
Под красавицу девицу
Замаскировалася.

Если в землю враг зарылся, —
Мина и в земле найдет.
Враг от мины скорчит мину,
Но от мины не уйдет.

Обработка М. ЧЕРЕМУХИНА

НАЛЕТЕЛИ ВРАЖЬИ ПТИЦЫ

Налетели вражьи птицы
На советские границы.
Мы от наших от ворот
Им покажем поворот.

Гитлер бредит, Гитлер стонет
И во сне, и наяву —
Мечтает он в Наполеоны,
Точит зубы на Москву.

Мы таких «наполеонов»
Гнали в шею много раз.
Силой наших миллионов
Их прогоним и сейчас.

Не пройдет фашистам даром
Воровской войны пожар.
Отразим тройным ударом
Мы предательский удар.

Гитлер смелости набрался,
К нам непрошеным пробрался.
От непрошенных гостей
Не останется костей.

Погляди, моя подружка,
Кто спускается с небес, —
Диверсант фашистский, верно,
Хочет скрыться в ближний лес.

Вражья ушки на макушке,
Любят что-нибудь схватить.
Не мешало бы болтушкам
Языки укоротить.

Зря в фашистской стороне
Гитлер рвет и мечет:
Никого в моей стране
Он не онемечит.

Мудрым Сталиным самим
Наше счастье ковано.
Никому не отдадим
То, что завоевано.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЧТЕНИЕ

	Стр.
Виктор Тимохин. Сталинград	3
Леонид Соболев. Голубой шарф	4
К. Симонов. Жди меня	9
К. Паустовский. Кружевница Настя	10
К. Симонов. Убей его	14
А. Исбах. Сын партизана (быль).	17
М. Исаковский. Русская баня (партизанская быль).	19

ПЬЕСЫ

В. Суходольский. Дурак (перевод с украинского).	21
Георгий Лещ. Три сердца	29
А. Гладков. Начал	34

ПЬЕСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Лебедев-Кумач. Овищеная война	43
Его же. По морям, по волнам	45
А. Боваленков. Письмо Катюши	46
В. Лебедев-Кумач. Извейтесь, соколы, орлами	47
Его же. Три танкиста	48
О. Колычев. Красная армия в бой идет	49
В. Лебедев-Кумач. Среди лесов дремущих	50

ЧАСТУШКИ

А. Стравинский. Все для фронта	51
А. Резаикин. Фронтовые частушки	53
Мих. Червинский. Частушки	54
М. Черемухин (обработка). Надетели вражья птицы	55

Ответ за выпуск: О. Грязнова

Корректор: Н. Пржевальская

Цена 1 руб. 25 копеек.

А. М. - 47.